

Р. А. Уришкая¹

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОПОЗНАНИЯ (Научное наследие академика Д. С. Лихачева)

Сегодня в глобальном мире увеличивается пропасть между нацией и населением, ибо утрата культурного своеобразия втягивает огромные массы в безнациональное пребывание, утрачивающее предметность культуры, сущностную духовность, без которой нет нации, остается сосуществование безнациональных индивидов, предполагающих, что они — граждане мира.

Не может не вызывать озабоченность состояние русской национальной культуры, переживающей фазу активной трансформации в процессе всеобщей глобализации. Глубокого осмысления требует актуальное состояние этнокультурных традиций коренных народов России. При этом необходимо выделить русский (славянский) элемент в «многоликой» русской культуре, понимая ее как культуру, создаваемую мультиэтничной нацией.

В решении этих задач особое значение приобретает научное наследие Д. С. Лихачева, в частности его «Заметки о русском». Публицистичность этой работы не умаляет ее идейно-ценностного потенциала, способствующего восприятию «национального» в культуре.

Культура самоопределяется в трех основных формах: народной, религиозной и светской. Народное творчество в наибольшей степени «почвенно», с заменой и вытеснением народных песен, танцев, музыки, ремесел, художничества массовой культурой происходит угасание своеобразных наций, обезличивание в культуре, а затем и ее гибель. Народная культура — не низовая, это основа, которая позволяет расцвести усовершенствованным, профессиональным формам светской культуры (последнюю иногда принимают за собственно культуру). Когда народная культура становится этнографией, сценой, музеем, когда теряется ее живой пульс, то уже нет надежды на восхождение к высотам культуры. Народная культура либо живет в народе, либо становится чем-то внешним для людей — это симптом исчезновения культуры и народа.

В «Заметках о русском» Д. С. Лихачев напоминает о том, что русская «почвенность» неразрывно связана с такими понятиями, как «простор» и «пространство»: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством».

Описание стремления русского человека не к свободе, а к воле мы находим в романе Л. Н. Толстого «Живой труп». В образе Протасова автор выводит определенный архетип, не признающий ни моральных, ни социальных границ, сложившийся в безграничном пространстве. На пространственно-территориальном факторе как определяющем историческую судьбу народа построена вся отечественная историография XIX века, в том числе и работы В. О. Ключевского. Академик Лихачев упоминает о том, что ощущение пространства есть и в зачинах к былинам, описывающих русскую природу. «Восторг перед пространствами, — пишет он, — присутствует уже и в древней русской литературе — в летописи, в “Слове о полку Игореве”, в “Слове о погибели Русской земли”, в Житии Александра Невского, да почти в каждом произведении древнейшего периода XI–XIII веков. Всюду события либо охватывают огромные пространства, как в “Слове о полку Игореве”, либо происходят среди огромных пространств с откликами в далеких странах, как в Житии Александра Невского. Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека».

В своих «Заметках» Д. С. Лихачев упоминает и миф о «естественном человеке», близком природе и свободном от каких-либо проявлений культуры и цивилизации. При этом, по его мнению, противопоставление природы культуре вообще не подходит: «У природы ведь есть своя культура. <...> Природа по-своему “социальна”. “Социальность” ее еще и в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот, в свою очередь, социален и интеллектуален сам. Русский крестьянин своим многовековым трудом создавал красоту русской природы. <...> Русский пейзаж в основном формировался усилиями двух великих культур: культуры человека, смягчающего резкости природы, и культуры природы, в свою очередь смягчавшей все нарушения равновесия, которые невольно вносил в нее человек».

Культивация природы, являвшийся основой языческих верований восточных славян, не был разрушен и с приходом православия на Русь. Крестьянин, привязанный к общинной земле и обрабатывавший ее, выступал хранителем некоего литургического пространства, культивируемого им. Ухаживая за землей, работая на ней, он таким образом обеспечивал ее плодородие, за что пользовался дарами кормилицы-земли, интерпретируемой как божественная «кормящая ладонь». Помимо прочего, данные обстоятельства обеспечивали, по гениальному определению Лихачева, «духовную оседлость» русского крестьянина, не представлявшего себя вне пределов этой земли. На этой почве и возросла такая неотъемлемая черта русской национальной культуры, как патриотизм. Через крестьянскую, народную традицию и протянулась ниточка, свя-

¹ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор более 50 научных и научно-методических публикаций, в т. ч.: «Они любили свою страну. Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г.», «Проект Европа: 400 лет истории (1610–2010)», «Взаимоотношения общества и государства», «Образование как часть политической системы современной России».

зующая этническую и национальную культуры русского народа, русской нации.

Сверхзадачей сегодняшнего образования должно стать возвращение народной культуры в души детей, чтобы эта тысячелетняя, родная для многих поколений культура стала неотъемлемой от их личностного развития, чтобы они нашли живое единение с историей.

Не будучи знакомым с сутью споров о культуре и цивилизации, возможно определить, что даже при развитой цивилизации можно не иметь собственного яркого лица культуры, тем более такое несоответствие обнаруживается в отдельных людях, обладателях цивилизационных достижений: они могут оказаться на обочине культуры, вне ее, враждебны ей. Сами по себе компьютерные игры, пользование бытовыми новинками, совершенными средствами передвижения не делают обладателя цивилизационных благ приобщенным к миру культуры.

Предошущение различия культуры и цивилизации напоминает о классических попытках их развести, порой до степени антиномичности, подобной тезису и антитезису в логике. Вряд ли случайна корневая основа слова «культура», культ духовных

ценностей всегда составлял основу культуры, и духовная сосредоточенность творила культуру. Отказ от мирского у религиозных подвижников далеких эпох был уже движением во благо культуры, а презрение к материальному процветанию, сказавшееся в жизни и восточных мудрецов, и многих греческих философов, и аскетов христианства, было первым свидетельством противоречия между культурой и цивилизацией.

Образование в России никогда не ограничивалось школой, средоточием культуры села и города были храмы. В северных землях уровень культуры в значительной степени определялся храмовой и монастырской культурой. Атеизм XX столетия не стер из народной памяти такие духовные очаги России, как Валаамский, Кирилло-Белозерский, Псково-Печерский монастыри, далекую обитель на Соловках.

Верование, обретенное народом при его духовном рождении, незаменимо, как незаменимы родители в индивидуальной жизни человека. Нация гибнет, если превращается в механический конгломерат индивидов, не объединенных традицией, органикой культуры, красотой своего неповторимого лица.